

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.80.91>

РАННИЙ НЕОЛИТ ЮЖНОЙ БЕЛАРУСИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2024 г. О.Ю. Ткачѳв, М.И. Ткачѳва

В статье рассматриваются основные гипотезы возникновения керамического производства на территории южной Беларуси. Появление керамики, главного признака начала неолита для лесной зоны Восточной Европы, связывается авторами с импульсами, которые происходят с Южного Буга и Днестра. Ранний неолит юга Беларуси представлен припятско-нѳманской, восточнополесской, верхнеднепровской культурами и памятника типа Струмель-Гастятин. Первая керамика, в соответствии с существующими на данный момент датами с территории Беларуси и белорусско-украинского пограничья, появляется на юге страны в сер. – втор. пол. VI тыс. до н.э. На Западное Полесье идея изготовления керамики проникает с Волыни, на юго-запад Беларуси – по Днепру. Керамика типа Дубичай и Струмель-Гастятин формируется под влиянием представителей самчинской фазы буго-днестровской культуры. В дальнейшем технология изготовления керамики распространяется на территорию Нижней Припяти, где формируется восточнополесская культура. Верхнеднепровская культура начала формироваться в середине V тыс. до н.э. под влиянием импульса, который шел с востока на запад по Десне.

Ключевые слова: археология, неолитизация, ранний неолит, южная Беларусь, керамика, припятско-нѳманская культура, тип Дубичай, восточнополесская культура, верхнеднепровская культура, тип Струмель-Гастятин.

EARLY NEOLITHIC OF SOUTHERN BELARUS: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR STUDY

O.Yu Tkachev, M.I. Tkacheva

The article discusses the main hypotheses of the emergence of ceramic production in the territory of Southern Belarus. The authors relate the appearance of ceramics, the main sign of the beginning of the Neolithic for the forest zone of Eastern Europe, to impulses originating from the Southern Bug and Dniester. The Early Neolithic of the south of Belarus is represented by the Pripyat-Neman, Eastern Polesie, Upper Dnieper cultures and monuments of the Strumel-Gastyatin type. The first ceramics, according to the current dates from the territory of Belarus and the Belarusian-Ukrainian borderland, appears in the south of the republic in the middle of the second half of the VI millennium BC. The idea of making ceramics penetrates into Western Polesie from Volyn, and into the southwest of Belarus – through the Dnieper. Ceramics of the Dubichay and Strumel-Gastyatin types are formed under the influence of representatives of the Samchinskaya phase of the Bug-Dniester culture. Subsequently, the pottery production technology spread to the territory of Lower Pripyat, where the Eastern Polesie culture was formed. The Upper Dnieper culture began to form in the middle of the V millennium BC under the influence of an impulse that went from east to west through the Desna.

Keywords: archaeology, neolithization, early Neolithic, Southern Belarus, ceramics, Pripyat-Neman culture, Dubichay type, Eastern Polesie culture, Upper Dnieper culture, Strumel-Gastyatin type.

Вступление

Начало неолита на территории лесной зоны Восточной Европы (далее – лзВЕ) исследователи связывают с появлением традиции керамического производства (Тимофеев, 2002, с. 210; Ошибкина, 2003, с. 242, 243; Чарняўскі, 2004, с. 97; Ткачѳва, 2023, с. 210). Основой для неолитических культур юга Беларуси, по мнению большинства исследователей, было местное мезолитическое население – яниславицкая культура (Исаенко, 1987, с. 22; Гаске-

вич, 2001; Охріменко, 2001, с. 112; Чарняўскі, 2001, р. 233; Залізняк, 2009, с. 186), распространѳнная в позднем мезолите на территории Беларуси (Калечыц, Коласаў, 2021, с. 30, мал. 27).

Что касается первоначального импульса, который привѳл к появлению керамики, то вопрос остаѳтся дискуссионным. На сегодняшний день можно выделить несколько гипотез о зарождении производства керамики в регионе.

Гипотезы происхождения керамического производства на территории южной Беларуси

Автохтонное происхождение. Р. Римантене отмечает, что форма первых сосудов с памятников юга Литвы (тип Дубичай) – остродонный с более или менее отогнутым венчиком – является довольно примитивной. Подобные типы могли возникнуть там, где образцом для первых горшков послужил кожаный мешок. На основании этого она допускала, что форма распространилась не из одного центра, а могла быть изобретена на всей территории самостоятельно (Римантене, 1966, с. 61).

Схожую позицию занимает и М.М. Чернявский. По его мнению, пластичные свойства глины, как и способность затвердевать при сильном нагревании, были известны людям издавна. Начало производства керамической посуды М.М. Чернявский связывает с хозяйственно-бытовой необходимостью – возникновением потребности в крепких больших тарах. В качестве образца использовались предметы из органических материалов – коры, травы, кожи и т. п. Наличием общего прототипа объясняются морфологические сходства ранней керамики на сравнительно широкой территории (Чернявский, 2004, с. 103). Гипотеза, однако, не получила широко распространения.

«Восточный путь». В.Н. Даниленко первым высказал мысль о близости ранне-неолитической керамики на территории от Восточного Прикаспия и Приаралья до Дании. Схожесть он объяснял генетической связью населения данной территории (Даниленко, 1969, с. 177–186).

Гипотезу, где в качестве центра распространения керамики в лзВЕ рассматриваются восточные, а не южные культуры, так называемый «восточный путь», в дальнейшем разрабатывал В.И. Тимофеев. Процесс распространения керамики рассматривался не как многочисленные миграционные процессы, а как комбинация процесса эволюционного развития местных индустрий с диффузией идеи изготовления керамических изделий в среде поздне-мезолитического населения (Тимофеев, 1994, с. 74, 75; Тимофеев, 2002, с. 210).

Для раннего неолита лзВЕ, по В.И. Тимофееву, были характерны «цепочки культур»

– ряд взаимосвязанных культур со стабильным населением и диффузионным проникновением новых технических навыков (прежде всего керамического производства), трансформирующиеся постепенно, без резко очерченных территориальных границ. Одной из таких «цепочек» были ранняя нёманская (НК) (читай *припятско-нёманская (ПНК)* – О.Т., М.Т.), нарвская (НрК) и руднянская культуры (Тимофеев, 2002, с. 210). ПНК являлась своеобразным коридором между Юго-Восточной Европой и Балтийским регионом. Ряд сходных элементов в морфологии и орнаментации ранней керамики, характерные для этой «цепочки» и культуры Эртебелле, В.И. Тимофеев видит в распространении идеи керамического производства из одного источника – ареала, включающего ранне-неолитические культуры Поднепровья (Тимофеев, 1994, с. 74). Вместе с тем в качестве источника появления некоторых черт – «шиповидное» дно – рассматривается буго-днестровская культура (БДК) (Тимофеев, 1994, с. 73).

В дальнейшем К.М. Андреев и А.А. Выборнов развили гипотезу. Общий путь распространения керамического производства они видят следующим образом: Восточный Прикаспий и Приаралье → Лесостепное Поволжье и Среднее Посурье → Верхнее и Среднее Подонье, Поднепровье → бас. Припяти и Нёмана → южное и западное побережье Балтийского моря (Андреев, Выборнов, 2017).

В качестве общих черт, характерных для территории от Приаралья до Дании, исследователи выделяют: профилированность верхней части сосудов, остродонность, слабая орнаментированность, узоры, нанесённые ямками под срезом венчика или прочерками, композиции представлены пересекающимися линиями типа косой решётки, сосуды изготавливались из илистой глины с примесью шамота, поверхности заглажены мягким предметом (Андреев, Выборнов, 2017, с. 91).

Из-за относительной сложности изготовления керамики и необходимости целенаправленного обучения будущих гончаров распространение навыков не могло осуществляться без присутствия носителей навыка. Речь не идёт о миграции населения, а об ограниченном в масштабе перемещении отдельных групп в пограничных областях, так называемая *пограничная мобильность*. Передача навыков осуществлялось в результате взаи-

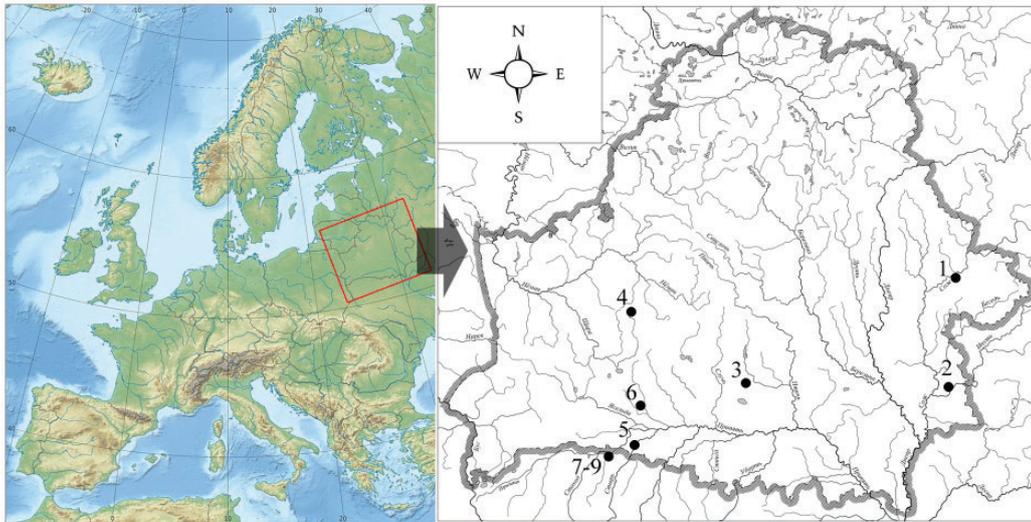

Рис. 1. Карта памятников южной Беларуси и белорусско-украинского пограничья с ранненеолитическими датами. 1 – Дубовый Лог 5; 2 – Гронов 3; 3 – Кузьмичи 1; 4 – Старые Войковичи; 5 – Остров 3; 6 – Камень 6; 7 – Нобель; 8 – Лядина 14; Лядина Мыс; 9 – Сеньчицы.

Fig. 1. Map of sites of Southern Belarus and the Belarusian-Ukrainian borderland with Early Neolithic dates. 1 – Dubovy Loh 5; 2 – Hronaŭ 3; 3 – Kuzmičy 1; 4 – Staryja Vojkavičy 1; 5 – Vostrau 3; 6 – Kamen 6; 7 – Nobel'; 8 – Liadyna 14; Liadyna Mys; 9 – Senchytsi.

модействия разнокультурных групп, которые вели комплексное присваивающее хозяйство в пограничных регионах, в основе которой лежат хозяйственно-бытовые и брачные отношения. Не исключая возможности непосредственного перемещения определённых групп населения под воздействием природно-климатических факторов, в большинстве случаев стоит говорить об отсутствии «волн» миграции. О последнем свидетельствует специфика керамического производства в каждом из регионов (Андреев, Выборнов, 2017, с. 97, 98).

Не отрицая некоторых общих черт, которые характерны не только для раннего неолита лзВЕ, но и для других, более поздних периодов эпохи – остродонность сосудов, горизонтальный ряд круглых ямок под краем венчика, сетка, образованная прочерченными или проглаженными диагональными линиями, – некоторые признаки не столь однозначные. В таком качестве выступает морфология сосудов, а именно профилированность верхней части.

Для раннего неолита Западного Полесья и бассейна Нёмана характерны широко открытые горшки с плавно выпуклым корпусом и слегка суженной верхней частью (Чарняўскі, 2003, с. 25). Короткий отогнутый венчик с загнутым внутрь краем появляется на позднем этапе развития дубичайской керамики (Чарняўскі, 1979, с. 17; Чарняўскі, 2011, мал.

4). Профилированность верхней части сформировалась под влиянием культуры воронковидных кубков до сер. IV тыс. до н. э. (Крывальцэвіч, 2004, с. 143; Чарняўскі, 2011, с. 85). Материалы, представленные К.М. Андреевым и А.А. Выборновым в качестве ранней керамики Понёманья, относятся или к лысогорскому (сравн. Андреев, Выборнов, 2017, рис. 4: 2, и Чарняўскі, 1979, рис. 33: 15), или доброборскому этапам НК (классическая НК, по определению Б. Юзвяка) (сравн. Андреев, Выборнов, 2017, рис. 4: 1, 3, 4, 6, и Чарняўскі, 1979, рис. 43: 1; Józwiak, 2003, tabl. 82: 1; tabl. 68: 2; tabl. 61: 5), а то и вовсе к восточнополеской культуре (ВПК) (сравн. Андреев, Выборнов, 2017, рис. 4: 8, 14 и Исаенко, 1976, рис. 19: 1, 3).

Остаётся открытым вопрос и о том, почему одни признаки сохранялись на всём пути распространения идеи, а другие, которые возникали по ходу формирования новых культурных традиций, не подхватывались и не достигали «конечной точки».

Буго-днестровский путь. Большинство исследователей склонны связывать первоначальный импульс, который привёл к появлению керамического производства на территории юга Беларуси, с БДК (Исаенко, 1976, с. 57, 116; Гаскевич, 2001; Охріменко, 2001, с. 49; Jazierienko, Józwiak, 2004, р. 48; Залізняк, 2009, с. 186, 187).

В.Ф. Исаенко считает, что традиция изготовления керамики появилась вначале на территории Западного Полесья. Оттуда она по Верхней Припяти распространилась на Восточное Полесье и Среднее Поднепровье и затем в бассейн Нёмана и на северо-восток – в бассейн Днестра и Сожа (Чарняўскі, Исаенка, 1997, с. 164).

Начало керамического производства, по Д.Л. Гаскевичу, на территории Западного Полесья началось в результате контактов местного мезолитического населения с носителями днестровского варианта БДК. Контакты продолжались в самчинской фазе, но были нерегулярными и носили периодический характер из-за отдалённости ареалов БДК и ПНК. В качестве прототипа дубичайской керамики он видит остродонный горшок, украшенный гребенчатым, накольчатый и линейным орнаментами, что, по мнению исследователя, характерно для сосудов самчинской фазы БДК. А появление наколов-«копытцев», яркой черты неолитической керамики Западной Беларуси, стало результатом прямого или косвенного заимствования отпечатков трубчатого штампа с керамики ранне-неолитических поселений Поднепровья. В дальнейшем формирование дубичайских традиций происходило непосредственно на территории Полесья (Гаскевич, 2001, с. 43).

М.М. Чернявский отрицает, что на территории Беларуси традиции изготовления керамики пришли от БДК. Это было невозможным из-за того, что между Волинью и средним течением Южного Буга и Днестра с начала неолита существовал клин поселений культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК) (Чарняўскі, 2004, s. 103). Между тем он признаёт, что распространение керамики в бассейн Нёмана происходило с Припяти (Чарняўскі, 2003, с. 29).

Культуры раннего неолита юга Беларуси

Припятско-нёманская культура. Культура характеризуется остродонными горшками с плавно выпуклым, изредка ребристым корпусом со сведённым верхом. Венчики прямые или слегка отогнутые. В формовочной массе присутствуют волокнистые органические примеси, иногда в достаточно большом количестве. Иногда присутствует песок, шамот, мелкая дресва. Внешняя поверхность очень хорошо заглажена, иногда подложена.

На внутренней (реже на внешней) имеются следы расчёсов горизонтальной направленности. Универсальным элементом орнамента является пояс глубоких круглых ямок под краем венчика. Типичные элементы: отпечатки тонкого и слегка изогнутого мелкозубого гребня; отступающие наколы, в том числе выполненные концом круглой палочки или косточки, так называемого «копытца»; прочерченные тонкие и проглаженные широкие линии; овальные вмятины. Часто композиция ограничивается поясом ямок под краем венчика. Доминирует горизонтальная зональность, которая концентрировалась в верхней части сосудов. Прочерченные или проглаженные линии часто образовывали косую сетку. Полностью орнаментированные горшки встречаются в восточной части ареала (Чарняўскі, 1979, с. 50–53; Чарняўскі, 2003, с. 25, 26).

Керамику ПНК с территории Литвы Р. Римантене датировала началом IV тыс. до н. э. (Римантене, 1966, с. 56).

В.Ф. Исаенко формирование керамики типа Дубичай на территории Западного Полесья относит к периоду 4000/3800–3500/3300 гг. до н. э. (Исаенко, 1976, с. 113–115). Выделяет он и более ранний этап, который предшествовал дубичайскому. Материалы данного периода с Верхней Припяти, по его мнению, неотличимы от синхронных материалов Нижней Припяти (Исаенко, 1966, с. 49).

М.М. Чернявский относит начало неолита на северо-западе Беларуси к пер. пол. IV тыс. до н. э. (Чарняўскі, 2001, s. 235). Материалы с Верхней Припяти рассматриваются им как более ранние. Постепенно М.М. Чернявский отодвигает границу начала неолита в бассейне Нёмана ко времени не позднее нач. IV тыс., а на юге – к кон. V тыс. до н. э. (Чарняўскі, Исаенка, 1997, с. 125).

Г.В. Охрименко начало развития керамического производства в верховьях Припяти относит к 4500–3300 гг. до н. э. (Охрименко, 2001, с. 106)¹.

При отсутствии абсолютных дат хронология ПНК долгое время строилась на сравнении с соседними культурами, в частности с НрК. В коллекции Заценье содержались материалы НрК с чертами, близкими по технологии и орнаментации, к керамике типа Дубичай. На основании дат, полученных с памятника – 5625 ± 40 ВР, 4500–4360 cal BC, Ki-6214,

и 5450 ± 75 BP, 4358–4166 cal BC, Le-960 (Чернявский, 2004, с. 151) – М.М. Чернявский сделал вывод, что керамика ПНК бассейна Нёмана одновременна материалам с Заценья, а на территории Западного Полесья древнее (Чернявский, 2008, с. 304).

Первые даты по C^{14} для ПНК происходили из северного ареала культуры и большинство из них были получены не по керамике, а с объектов культурного пласта (уголь, заполнение объектов) (Antanaitis-Jacobs, Girininkas, 2002, tabl. 2).

С появлением дат, которые были получены по нагару на керамике: Старые Войковичи 1 – 5820 ± 210 BP, 5284–4258 cal BC, Ki-9286 (Józwiak, 2003, p. 58) (табл. 1); Дубичай 2 – 5030 ± 250 BP, 4250–3500 cal BC (Черняўскі, 2004, с. 107; Józwiak, 2003, p. 58), – развитие раннего неолита бассейна Нёмана рассматривалось в промежутке 4900–3500 BC (Чернявский, 2008, с. 305). А с учётом более ранних дат с соседних северных и северо-восточных территории начало неолита, по М.М. Чернявскому, следует отнести к более раннему времени (Чернявский, 2008, с. 305, 306).

Г. Пиличяускас, описывая материалы ПНК с территории Литвы, отмечает, что область керамики типа Дубичай сформировалась около 5500 BC (Piličiauskas, 2002, p. 134).

Даты, полученные по ранней керамике с территории Украины для памятников с яниславичскими традициями в кремнеобработке: Нобель 1 – 6230 ± 150 BP, 5478–4803 cal BC, Ki-9843; Лядина Мыс – 6150 ± 150 BP, 5468–4723 cal BC, Ki-10887; 6290 \pm 150 BP, 5533–4849 cal BC, Ki-10888; Лядина 14 – 5960 ± 170 BP, 5299–4457 cal BC, Ki-10889 (Манько, 2006, с. 17; Манько, 2016, с. 263, 276, 277) (табл. 1) – практически все попадают на втор. пол. VI – нач. V тыс. до н. э. Размещённые на границе с Беларусью, они определённо связаны с дубичайской традицией.

Памятники с территории Западного Полесья дают схожие датировки: Остров 3 – 6764 ± 110 BP, 5885–5480 cal BC, SPb-3036; Камень 6 – 6088 ± 110 BP, 5302–4727 cal BC, SPb-3037; Сеньчицы – 6164 ± 100 BP, 5323–4841 cal BC, SPb-3038, и 5920 ± 120 BP, 5206–4496 cal BC, SPb-3039 (табл. 1). Это подтверждает ранее полученные выводы и позволяет предположить, что во втор. пол. VI тыс. до н. э. на территорию Верхней Припяти уже активно проникают традиции изготовления керамики.

Восто́чнополесская культура. Для раннего этапа ВПК характерны как широко открытые сосуды с цилиндрическими стенками, плавно переходящими в высокую коническую часть, так и с сильно выгнутыми стенками в месте перехода к низкой конической части и оттянутым вниз дном. Венчики прямые или слегка отогнутые. В формовочной массе присутствует волокнистая органическая примесь. Внешняя поверхность заглаженная, на внутренней сохраняются следы горизонтальных расчёсов. Диагональные или волнистые расчёсы иногда встречаются в нижней части на внешней поверхности. Орнаментация относительно бедная и однообразная. Доминирует горизонтальная зональность, которая иногда дополняется вертикальными композициями, при концентрации орнамента в верхней и нижней частях сосуда. При этом нередки горшки, орнаментация которых ограничена только рядом круглых ямок под краем венчика. Типичным элементом орнаментации являются отпечатки короткого мелкозубого гребня. Реже встречаются наколы, вмятины, проглаженные линии. Последние могут образовывать косую сетку (Исаенка, 1997, с. 131, 132).

В.Ф. Исаенко ранний этап ВПК относит к нач. – сер. IV тыс. до н. э. (Исаенко, 1976, с. 112). По мнению Д.Я. Телегина и Е.Н. Титовой, ВПК, как и другие культуры днепродонецкой культурной общности, сложилась в V тыс. до н. э. (Телегин, Титова, 1998, с. 29).

С памятника Кузьмичи 1 для двух фрагментов керамики по нагару были получены даты, которые с учётом калибрации дают интервал от втор. пол. VI до втор. четв. V тыс. до н. э. – 6200 ± 200 BP, 5554–4692 cal BC, SPb-1187, и 6113 ± 226 BP, 5482–4503 cal BC, Le-8176 (Кривальцевич, 2016, с. 296, табл. 1) (табл. 1). М.М. Кривальцевич, не отрицая того, что фрагменты могут указывать на ранний период существования культуры, отмечает сходство с другими образцами с памятника, что дали более молодые даты – IV–III тыс. до н. э. Удревнение дат, по его мнению, могло возникнуть в результате т. н. «резервуарного эффекта» или других причин, влияющие на качество датировок (Кривальцевич, 2016, с. 292). Стоит отметить, что ещё один из фрагментов с памятника укладывается в финальную фазу раннего этапа ВПК – 4949 ± 162 BP, 4221–3368 cal BC, Le-8173 (Кривальцевич, 2016, с. 296, табл. 1) (табл. 1).

Таблица. 1. Радиоуглеродные датировки материалов-памятников раннего неолита с территории южной Беларуси и северной Украины. Для калибровки данных использовалась OxCalv 4.4.4 и атмосферная кривая IntCal20.

Table. 1. Radiocarbon dating of materials from Early Neolithic sites from the territory of Southern Belarus and Northern Ukraine. Radiocarbon determinations calibrated using OxCal. v4.4.4 and the IntCal20 atmospheric curve.

Памятник	Лаб. №	BP	cal BC (95,4%)	Материал	К-ра	Литература
БЕЛАРУСЬ						
Дубовый Лог-5 (бел. Дубовы Лог)*	SPb-2233	6677±80	5716-5480	нагар на керамике	тСГ	Ткачева, 2023, с. 218
Гронов 3 (бел. Гронаў 3)	SPb-1771	5886±120	5198-4457	нагар на керамике	ВДК	Ткачэва, Кулькова, 2016, с. 298, рис. 7
Гронов 3 (бел. Гронаў 3)	SPb-1772	5365±120	4446-3961	нагар на керамике	ВДК	Ткачэва, Кулькова, 2016, с. 298, рис. 5
Кузьмичи I (бел. Кузьмічы)	SPb-1187	6200±200	5554-4692	нагар на керамике	ВПК	Кривальцевич, 2016, с. 296, табл. 1
Кузьмичи I (бел. Кузьмічы)	Le-8176	6113±226	5482-4503	нагар на керамике	ВПК	Кривальцевич, 2016, с. 296, табл. 1
Кузьмичи I (бел. Кузьмічы)	Le-8173	4949±162	4221-3368	нагар на керамике	ВПК	Кривальцевич, 2016, с. 296, табл. 1
Старые Войковичи I (бел. Старыя Войкавічы)	Ki-9286	5820±210	5284-4258	нагар на керамике	ПНК	Józwiak, 2003, s. 58
Остров 3 (бел. Востраў)*	SPb-3036	6764±110	5885-5480	орган. примесь в керамике	ПНК	публикується впершыя
Камень 6 (бел. Камень)*	SPb-3037	6088±110	5302-4727	орган. примесь в керамике	ПНК	публикується впершыя
УКРАИНА						
Нобель I (укр. Нобель)	Ki-9843	6230±150	5478-4803	керамика	ПНК	Манько, 2006, с. 17, табл. 1
Лядина Мыс (укр. Лядина Мис)	Ki-10887	6150±150	5468-4723	керамика	ПНК	Манько, 2006, с. 17, табл. 1
Лядина Мыс (укр. Лядина Мис)	Ki-10888	6290±150	5533-4849	керамика	ПНК	Манько, 2006, с. 17, табл. 1
Лядина 14 (укр. Лядина)	Ki-10889	5960±170	5299-4457	керамика	ПНК	Манько, 2006, с. 17, табл. 1
Сеньчицы (укр. Сенчиці)*	SPb-3038	6164±100	5323-4841	орган. примесь в керамике	ПНК	публикується впершыя
Сеньчицы (укр. Сенчиці)*	SPb-3039	5920±120	5206-4496	орган. примесь в керамике	ПНК	публикується впершыя

Примечание: *Даты получены методом радиоуглеродного датирования в лаборатории Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (г.Санкт-Петербург). Авторы выражают благодарность А.А. Выборнову и М.А. Кульковой за помощь в получении дат.

Поздняя керамика ВПК сохраняет традиций раннего этапа в большей степени, чем это прослеживается в ПНК. Формовочное тесто продолжает содержать в составе органическую примесь вместе с минеральными добавками. На внутренней поверхности время от времени встречаются следы от расчёсов (Исаенка, 1997, с. 143).

Верхнеднепровская культура. В.П. Третьяков к раннему этапу верхнеднепровской культуры (ВДК) на территории Беларуси отнес керамику с примесью песка, травы и дресвы в тесте, орнаментированную оттисками гребня, которые образуют несколько вариантов узоров (зигзагообразные, волнистые и др.) (Третьяков, 1990, с. 18).

По Е.Г. Калечиц, ранний этап ВДК характеризуется сосудами яйцевидной формы с прямыми венчиками и коническим дном. В тесте присутствует обильная растительная примесь. Внутренняя поверхность проглажена вручную либо пучком травы. Основным элементом орнамента являются ямчатые вдавления овальной или круглой формы и грубый широкозубый гребень. Элементы объединялись в горизонтальные ряды. На некоторых фрагментах встречаются точечные наколы и сетка из прочерченных линий. Орнамент располагался зонально. В основном украшалась верхняя часть горшка. Донца и придонные части украшались реже (Калечиц, 1997, с. 171–174).

Хронология раннего этапа ВДК не выходит за рамки сер. V – перв. пол. IV тыс. до н. э. (Калечиц, 1997, с. 171). Появление керамики в регионе исследователи связывают с импульсом, который шел с востока на запад по Десне.

Материалы типа Струмель – Гастятин.

На раннем этапе ВДК на юге граничила с поселениями, для которых характерна керамика типа Струмель – Гастятин (тСГ) (Третьяков, 1990, с. 25, 180). Повторный анализ коллекций с юго-запада Беларуси позволил выявить керамику тСГ на территории Белорусского Посожья (Езепенко, Ткачева, 2016; Ткачева, 2023). Кроме того, керамика тСГ присутствует и на ряде памятников Верхнего Поднепровья (Лучин 1, Толстыки 1) и Нижней Припяти (Юровичи 4) (Исаенко, 1976, с. 90, 97, рис. 36, 39; Езепенко, 2010, с. 161–169; Сбор кривніц..., 2013, рис. 64).

Сосуды тСГ имеют сведенные внутрь венчики и конические донца. Изготовлены из илистого глиноподобного сырья. Примеси в тесте отсутствуют. Изредка отмечается присутствие органики и/или кровавика (красного железняка). На внутренней и внешней поверхностях прослеживаются глубокие следы расчёсов гребнем. Основными элементами орнамента выступает гребень и в некоторых случаях глубокие ямки, которые оставляли негативы на внутренней поверхности. Функцию орнамента выполняли и расчёсы гребнем – многорядный орнамент. Орнамент покрывал всю поверхность либо располагался зонально, концентрируясь в верхней и нижней частях сосуда. Неотъемлемой частью любой композиции являлись зоны многорядного орнамента. В некоторых случаях поверх

его наносились горизонтальные ряды, выполненные другими элементами.

На основании материалов днепро-деснинской группы памятников Е.В. Ногин разработал хронологию памятников тСГ, которая определяется им в рамках втор. пол. VI – нач. V тыс. до н. э. (Ногин, 2016, с. 443–444). Хронологически тСГ предшествует раннему этапу ВДК. Подтверждением этому служит дата, полученная по керамике с памятника Дубовый Лог 5 – 6677 ± 80 BP, 5716–5480 cal BC, SPb-2233 (табл. 1), которая на данный момент является самой ранней для неолита юго-востока Беларуси.

Выводы

Долгое время основным признаком для выделения ранней керамики на территории южной Беларуси являлась органическая примесь в тесте, о которой упоминают практически все исследователи (В.Ф. Исаенко, Е.Г. Калечиц, М.М. Чернявский и др.). Об архаичности свидетельствовали интуитивно «грубый» характер керамики, предполагающий массивность и толстостенность (толщина стенки более 1 см) сосудов; «плохая» сохранность фрагментов, то есть их слоистость и ломкость; совместное залегание с кремневыми артефактами с яркими мезолитическими чертами.

Имеющиеся на сегодняшний день даты позволяют говорить о том, что появление первой керамики на территории юга Беларуси приходится на сер. VI тыс. до н. э.

Внешний облик и технология изготовления сосудов тСГ указывают на связь с самчинской фазой БДК. И хотя среди исследователей нет единого мнения по поводу происхождения памятников тСГ, все же следует согласиться с Д.Я. Телегиным, который рассматривает их как самостоятельное явление, возникшее в среде позднемезолитических племен днепродвинского междуречья под влиянием БДК (Телегин, Титова, 1998, с. 9).

Путем проникновения традиции изготовления керамики в регион выступал Днепр. Косвенным свидетельством этого является большое количество фрагментов с самчинскими чертами на поселениях Киево-Житомирского Полесья (Ходосовка-Пойма, Романков 1, Устье Гнилопяти) (Ногин, 2014, с. 18–19; Ногин, 2016, с. 441; Переверзев, Сорокун, 2010, с. 255; Неприна, 1969, с. 135). Наличие подобной керамики на поселениях может

свидетельствовать о проникновении керамических традиций с юга на север по Днепру, из «южного» гончарного центра, сложившегося в юго-западном районе Восточной Европы – в ареале БДК. «Восточный путь» (с востока на запад по Десне) видится менее возможным. Данные радиоуглеродного датирования подтверждают наиболее ранний период существования керамики тСГ как на территории севера Украины, так и юго-востока Беларуси.

Влияние «восточного» гончарного центра на территории юго-востока Беларуси прослеживается в позднейшее время – ВДК возникает под влиянием культур лесной полосы, в первую очередь культуры ямочно-гребенчатой керамики волго-окского региона (Тюрина, 1967, с. 13; Калечиц, 1997, с. 175). Е.Г. Калечиц не прослеживает сходство между керамикой ВДК с днепро-донецкой и деснинской на их ранних этапах, считая, что население Посожья в этот период существует автономно, в том числе и от населения Западного Полесья (Калечиц, 1994, с. 134).

Сформировавшаяся на территории Волыни и Западного Полесья под влиянием БДК дубичайская традиция под наплывом носителей нотной фазы КЛЛК распространяется на

восток – на север Киевщины и Житомирщины. Д.Л. Гаскевич и Л.Л. Зализняк юго-восточной границей распространения ПНК рассматривают р. Тетерев (Гаскевич, 2001, с. 47; Зализняк, 2009, с. 186, 187). Параллельно шло распространение новаций на север в бассейн Нёмана, где, как и в бассейне Припяти, носители янисловицких традиций кремнеобработки осваивают навыки изготовления керамики (Гаскевич, 2001, с. 47, 48). Проникновение навыков изготовления керамики на Восточное Полесье происходило одновременно двумя путями: с запада – вместе с носителями ПНК Волыни и Западного Полесья, и с юга – с населением лесостепного Поднепровья.

Более детально проследить процесс неолитизации на территории Южной Беларуси на данный момент не представляется возможным. Необходимо проведение исследований в среднем течении Припяти как наименее изученном регионе, поиск и исследование новых хорошо стратифицированных памятников, пересмотр старых археологических коллекций, получение новых дат. Абсолютные даты, приведенные в статье, позволили лишь наметить общую картину, которая развивалась на юге Беларуси в VI – нач. V тыс. до н. э.

Примечание:

¹ Авторы рассматривают территорию севера Волыни как южную часть ареала ПНК, а волынскую культуру (ВК) в качестве западнополесского варианта ПНК (подробнее см. Ткачоў, 2019, с. 148-150, мал. 9).

ЛИТЕРАТУРА

Андреев К.М., Выборнов А.А. Керамика раннего неолита от Средней Азии до Дании // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 91–100.

Гаскевич Д. Регіональні особливості у неолітизації Прип'ятського Полісся // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 16 / Навук. рэд. А. Калечиц. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2001. С. 36–49.

Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев: Наукова Думка, 1969. 257 с.

Езепенко И.Н. Новые результаты исследований днепро-донецкой культуры в междуречье Березины и Днепра // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 18. Даследаванні каменнага і бронзавага вякоў (да юбілеяў У. Ф. Ісаенкі і М. М. Чарняўскага) / Навук. рэд. В.Л. Лакіза, М.М. Крывальцэвіч. Мінск: Беларуская навука, 2010. С. 161–169.

Езепенко И.Н., Ткачева М.И. Морфологические черты и технологические особенности керамики ранних этапов неолитической эпохи в Верхнем Поднепровье (тип Струмель-Гастятин) // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Отв. ред. О.В. Лозовская, А.Н. Мазуркевич, Е.В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 170–173.

Зализняк Л.Л. Мезоліт Заходу Східної Європи / Кам'яна доба України. Вип. 12. Київ: Шлях, 2009. 278 с.

Збор крыніц навуковых археалагічных фондаў. Вып. 1. Археалагічныя калекцыі І. І. Арцеменкі (1956–1981 гг.) / склад.: А.А. Разлуцкая [и др.]. Мінск: Беларус. навука, 2013. 223 с.

Исаенко В.Ф. Мезолит и неолит Припятского Полесья // Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий / Под. ред. В.Ф. Исаенко, А.Г. Митрофанова, Г.В. Штыхова. Минск: Наука и техника, 1966. С. 22–53.

Исаенко В.Ф. Неолит Припятского Полесья. Минск: Наука и техника, 1976. 126 с.

Исаенко В.Ф. Первобытные культуры Полесья // Исаенко В.Ф., Калечиц Е.Г., Чернявский М.М. Белорусская археология: Достижения археологов за годы советской власти. Минск: Наука и техника, 1987. С. 15–26.

Исаенка У.Ф. Днепро-данецкая культура // Каменны і бронзавы вякі / Археалогія Беларусі. Т. 1. / Пад рэд. М.М. Чарняўскага, А.Г. Калечиц. Мн.: Бел. навука, 1997. С. 127–145.

Калечиц Е.Г. Керамика верхнеднепровской культуры // Gyvenviečių ir keramikos raida baltų žemėse / Red. A. Girininkas. Vilnius: Savastis, 1994. С. 133–147.

Калечиц А.Г. Верхнеднепровская культура // Каменны і бронзавы вякі / Археалогія Беларусі. Т. 1. / Пад рэд. М.М. Чарняўскага, А.Г. Калечиц. Мн.: Бел. навука, 1997. С. 170–190.

Калечиц А.Г., Коласаў А.У. Мезалітычныя помнікі Беларусі. Мінск: Беларуская навука, 2021. 369 с.

Кривальцевич Н.Н. Радиоуглеродное датирование материалов поселения Кузьмичи 1 (бассейн Припяти) // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 290–296.

Кривальцевіч М.М. Беларускае Палессе ў перыяд пераходу ад неаліту да эпохі бронзы: праблемы і перспектывы археалагічнага вывучэння // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski / Red. A. Koško, A. Kалечиц. Warszawa: Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego. Przedsiębiorstwo Poligraficzne „DEKA” sp. z o.o., 2004. S. 137–162.

Манько В.О. Неоліт Південно-Східної України/ Кам'яна доба України. Вип. 9. Київ: Шлях, 2006. 280 с.

Манько В.О. Неоліт Південно-Східної України // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 261–279.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Яндашевская стоянка // СА. 1968. № 2. С. 126–134.

Непріна В.И. Тетеревское поселение днепро-донецкой культуры // СА. 1969. № 2. С. 134–139.

Ногін Е.В. Проблемы неолитизации междуречья Днепра и Десны // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 15–20.

Ногін С.В. Неоліт Північно-Східної України. Київ: Видавець Олег Філюк, 2016. 580 с.

Охріменко Г. Волинська неолітична культура. Луцьк: Волин. обл. друк., 2001. 154 с.

Ошибкина С.В. К вопросу о раннем неолите на севере Восточной Европы // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов) / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.В. Синицина. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 241–254.

Переверзев С.В., Сорокун А.А. Дослідження неолітичної стоянки Романків 1 на Київщині // Кам'яна доба України. Вип. 13. Київ: Шлях, 2010. С. 254–269.

Римантене Р.К. Стоянки раннего неолита в Юго-Восточной Литве // Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий / Под. ред. В.Ф. Исаенко, А.Г. Митрофанова, Г.В. Штыхова. Минск: Наука и техника, 1966. С. 54–62.

Телегин Д.Я., Титова Е.Н. Поселения днепро-донецкой этнокультурной общности эпохи неолита / Свод археологических источников. Киев: Наукова думка, 1998. 142 с.

Тимофеев В.И. Проблемы генезиса ранненеолитических культур в Балтийском регионе // Петербургский археологический вестник. № 9 / Под общ. ред. Г.В. Вилинбахова, М.Б. Щукина. СПб.: Фарн, 1994. С. 71–76.

Тимофеев В.И. Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. Ред И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2002. С. 209–213.

Ткачоў А.Ю. Раннеалітычная кераміка на тэрыторыі Заходняй Беларусі: сучасны стан даследавання // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 30 / Нав. рэд.: В.М. Ляўко. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2019. С. 137–160.

Ткачева М.И. Первая керамика на территории Белорусского Посожья в свете новых данных // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 37 / Гал. рэд. А.А. Каваленя. Мінск: Беларус. навука, 2023. С. 210–221.

Ткачэва М.И., Кулькова М.А. Радиоуглеродные датировки п. Гронов 3 (бассейн р. Сож) // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 297–306.

Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л.: Наука, 1990. 190 с.

Тюрин И.М. Верхнее Поднепровье в эпоху неолита. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1967. 14 с.

Чарняўскі М.М. Неаліт Беларускага Панямоння. Мн.: Навука і тэхніка, 1979. 144 с.

Чарняўскі М.М. Неаліт з грабенчата-накольчатой і кольчатой керамікай Заходняй Беларусі. Асаблівасці эвалюцыі // *Od neolityzacji do początku epoki brązu. Przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. Przed Chr.* / Pod. red. J. Czebreszuka, M. Kryvalceviča, P. Makarowicza. Poznań: Wyd. Poznańskie, 2001. S. 231–240.

Чарняўскі М.М. Да пытання вылучэння прыпяцка-нёманскай культуры // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Вып. 18 / Навук. рэд. А.Г. Калечыц. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2003. С. 25–33.

Чернявский М.М. К проблеме хронологии неолита Беларуси // *Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии* / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб: ИИМК РАН, 2004. С. 49–54.

Чернявский М.М. Ранненеолитическая культура Восточного Понеманья // *Человек, адаптация, культура. К 75-летию С.В. Ошибкиной* / Отв. ред. А.Н. Сорокин. М.; Тула: «Гриф и К», 2008. С. 297–306.

Чарняўскі М.М. Неаліт Беларусі: праблемы перыядызацыі і храналогіі // *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski* / Red. A. Koško, A. Kalachyts. Warszawa: Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego. Przedsiębiorstwo Poligraficzne „DEKA” sp. z o.o., 2004. S. 99–118.

Чарняўскі М.М. Нёманская неалітычная культура ў Беларусі: генезіс і эвалюцыя // *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu* / Pod red. U. Stankiewicz i A. Wawrusiewicz. Białystok: Muzeum Podlaskie w Białymstoku, 2011. S. 77–86.

Чарняўскі М.М., Ісаенка У.Ф. Нёманская культура // *Каменны і бронзавы вякі / Археалогія Беларусі*. Т. 1. / Пад рэд. М.М. Чарняўскага, А.Г. Калечыц. Мн.: Бел. навука, 1997. С. 145–170.

Antanaitis-Jacobs I., Girininkas A. Periodization and Chronology of the Neolithic in Lithuania // *Archaeologia Baltica*. Vol. 5. Vilnius, 2002. P. 9–39.

Józwiak B. Społeczności subneolitu wschodnioeuropejskiego na Niziu Polskim w międzyrzeczu Odry i Wisły. Poznań: Instytut Prahistorii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2003. 438 s.

Jaziepienko I., Józwiak B. Chronologia późnych faz kultury dnipro-donieckiej na Białorusi w świetle najnowszych oznaczeń radiowęglowych ze stanowiska Prorva 2, rejon Rogaczowski // *Folia Praehistorica Posnaniensia*. 2004. T. XII. S. 47–64.

Piličiauskas G. Dubičiu tipo gyvenvietės ir neolitinė Nemuno kultūra Pietų Lietuvoje // *Lietuvos archeologija*. T. 23. Vilnius, 2002. P. 107–136.

Информация об авторах:

Ткачѳв Олег Юрьевич, научный сотрудник, Институт истории НАН Беларусі (г. Минск, Беларусь); aleh.tkachou@gmail.com

Ткачѳва Мария Ивановна, научный сотрудник, Институт истории НАН Беларусі (г. Минск, Беларусь); tkachova.maryia@gmail.com

REFERENCES

Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2017. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 20 (3), 91–100 (in Russian).

Gaskevych, D. 2001. In *Kalachyts, A. (ed.). Gistorichna-arkheologichy zbornik (Historical and Archaeological Collection)* 16. Minsk: Institute of History of National Academy of Sciences, 36–49 (in Ukrainian).

Danilenko, V. N. 1969. *Neolit Ukrainy (Neolithic of Ukraine)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

Ezpenko, I. N. 2010. In *Lakiza, V. L., Kryvaltsevich, M. M. (eds.). Materialy pa arkheologii Belarusi (Material on the Archaeology of Belarus)* 18. Minsk: “Belaruskaya navuka”, 161–169. (in Russian).

Ezpenko, I. N., Tkacheva, M. I. 2016. In *Lozovskaia, O. V. (ed.). Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 170–173 (in Russian).

Zalizniak, L. L. 2009. *Mezolit Zakhodu Skhidnoi Evropi (Mesolithic Of Western Eastern Europe)*. Series: Kamiana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine) 12. Kiev: “Shliakh” Publ. (in Ukrainian).

Razlutskaya, A. A. (et.al.) (comp). 2013. *Zbor krynic navukovych archiealahičnych fondaŭ. Vyp. 1. Archiealahičnyja kalekcyi I. I. Arciemienki (1956–1981 hh.) (Collection of sources of scientific archaeological funds. Issue 1. Archaeological collections of I. I. Artemenko (1956–1981))*. Minsk: “Belarus. navuka ” Publ. (in Belarusian).

- Isaenko, V. F. 1966. In Isaenko, V. F., Mitrofanov, A. G., Shtykhov, G. V. (eds.). *Drevnosti Belorussii. Materialy konferentsii po arkheologii Belorussii i smezhnykh territoriy (Antiquities of Belarus. Proceedings of the conference on the archaeology of Belarus and adjacent territories)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ., 22–53 (in Russian).
- Isaenko, V. F. 1976. *Neolit Prip'yatskogo Poles'ya (Neolithic of Prip'yat Polesie)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ. (in Russian).
- Isaenko, V. F. 1987. In Isaenko, V. F., Kalechich, E. G., Chernyavsky, M.M. *Belorusskaya arkheologiya: Dostizheniya arkheologov za gody sovetsoy vlasti (Belarusian archaeology. Achievements of archaeologists during the Soviet period)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ., 15–26 (in Russian).
- Isaenko, V. F. 1997. In Chernyavsky, M. M., Kalechich, E. G. (eds.). *Kamienny i bronzavy viaki (Stone and Bronze Ages)*. Series: Arkheologiya Belarusi (*Archaeology of Belarus*) Vol. 1. Minsk: "Bel. Navuka" Publ., 127–145 (in Belarusian).
- Kalechich, E. G. 1994. In Girininkas, A. (ed.). *Gyvenviečių ir keramikos raida baltų žemėse (The development of settlements and ceramics in the Baltic lands)*. Vilnius: "Savastis" Publ., 133–147 (in Russian).
- Kalechich, E. G. 1997. In Chernyavsky, M. M., Kalechich, E. G. (eds.). *Kamienny i bronzavy viaki (Stone and Bronze Ages)*. Series: Arkheologiya Belarusi (*Archaeology of Belarus*) Vol. 1. Minsk: "Bel. Navuka" Publ., 170–190 (in Belarusian).
- Kalechich, E. G., Kolosov, A. V. 2021. *Mezalitychnyya pomniki Belarusi (Mesolithic sites of Belarus)*. Minsk: "Belaruskaya navuka" Publ. (in Belarusian).
- Krivaltsevich, N. N. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 290–296 (in Russian).
- Krivaltsevich, N. N. 2004. In Koško, A., Kaletsykh, A. (eds.). *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski (Community of cultural heritage of the lands of Belarus and Poland)*. Warszawa: "DEKA" Publ., 137–162 (in Belarusian).
- Manko, V. O. 2006. *Neolit Pivdenno-Skhidnoi Ukraini (Neolithic Of South-Eastern Ukraine)*. Series: Kamiana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine) 9. Kiev: "Shliakh" Publ. (in Ukrainian).
- Manko, V. O. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A.A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 261–279 (in Russian).
- Efimenko, P. P., Tret'yakov, P. N. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 126–134 (in Russian).
- Nepriina, V. I. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 134–139 (in Russian).
- Nogin, E. V. 2014. In *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki (Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities)* (1), 15–20 (in Russian).
- Nogin, E. V. 2016. *Neolit Pivnichno-Skhidnoi Ukraini (Neolithic of Northeastern Ukraine)*. Kiev: "Oleg Filyuk" Publ. (in Ukrainian).
- Okhrimenko, G. 2001. *Volins'ka neolitichna kul'tura (Volyn Neolithic culture)*. Lutsk: Volyn. region printing (in Ukrainian).
- Oshibkina, S. V. 2003. In Timofeev, V. I. (ed.). *Neolit – eneolit yuga i neolit severe Vostochnoy Evropy (Neolithic – Eneolithic of the south and Neolithic of the north of Eastern Europe)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 241–254 (in Russian).
- Pereverziev, S. V., Sorokun, A. A. 2010. In *Kamiana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine)*. 13. Kiev: "Shliakh" Publ., 254–269 (in Ukrainian).
- Rimantene, R. K. 1966. In Isaenko, V. F., Mitrofanov, A. G., Shtykhov, G. V. (eds.). *Drevnosti Belorussii. Materialy konferentsii po arkheologii Belorussii i smezhnykh territoriy (Antiquities of Belarus. Proceedings of the conference on the archaeology of Belarus and adjacent territories)*. Minsk: "Nauka i tekhnika" Publ., 54–62 (in Russian).
- Telegin, D. Ya., Titova, E. N. 1998 *Poseleniya dnepro-donetskoy etnokul'turnoy obshchnosti epokhi neolita (Settlements of the Dnieper-Donetsk ethnic-cultural community of the Neolithic era)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Timofeev, V. I. 1994. In Vilinbahov, G. V., Shchukin, M. B. (eds.). *Peterburgskii Arkheologicheskii Vestnik (Peterburg Archaeological Bulletin)* 9. Saint Petersburg: "Farn" Publ., 71–76 (in Russian).

Timofeev, V. I. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 5. Tver: "Triada" Publ., 209–213 (in Russian).

Tkachev, O. Yu. 2019. In Laŭko, V. M. (ed.). *Materialy pa arkheologii Belorusi (Materials on the Archaeology of Belarus)* 30. Minsk: Institute of History of National Academy of Sciences, 137–160 (in Belarusian).

Tkacheva, M. I. 2023. In Kavalenya, A. A. (ed.). *Gistorichna-arkheologichy zbornik (Historical and Archaeological Collection)* 37. Minsk: "Belarus. Navuka" Publ., 210–221 (in Ukrainian).

Tkacheva, M. I., Kulkova, M. A. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A. A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.)*. Smolensk: "Svitok" Publ., 297–306 (in Russian).

Tret'yakov, V. P. 1990. *Neoliticheskie plemena lesnoi zony Vostochnoi Evropy (Neolithic Tribes in the Forest Zone of Eastern Europe)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Tyurina, I. M. 1967. *Verkhnee Podneprov'e v epokhu neolita (Upper Dnieper region in the Neolithic)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Chernyavsky, M. M. 1979. *Neolit Belaruskaga Panyamonnya (The Neolithic of the Belarusian Neman region)*. Minsk: "Navuka i tekhnika" Publ. (in Belarusian).

Chernyavsky, M. M. 2001. In Czebreszuk, J., Kryvalcevič, M., Makarowicz, P. (eds.). *Od neolityzacji do początków epoki brązu. Przemiany kulturowe w międzyrzeczu Odry i Dniepru między VI i II tys. Przed Chr. (From Neolithization to the beginning of the Bronze Age. Cultural changes in the Oder-Dnieper area between the 6th and 2nd millennia BC)*. Poznań: Poznańskie Publ., 231–240 (in Belarusian).

Chernyavsky, M. M. 2003. In Kalechyts, A. G. (ed.). *Gistorichna-arkheologichy zbornik (Historical and Archaeological Collection)* 18. Minsk: Institute of History of National Academy of Sciences, 25–33 (in Belarusian).

Chernyavsky, M. M. 2004. In Timofeev, V. I., Zaitseva, G. I. (eds.). *Problemy khronologii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii v neolite Evrazii (Issues of Chronology and Ethnic-cultural Interactions during the Neolithic of Eurasia)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences Publ., 49–54 (in Russian).

Chernyavsky, M. M. 2008. In Sorokin, A. N. (ed.). *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura (Man, Adaptation and Culture)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 297–306 (in Russian).

Chernyavsky, M. M. 2004. In Koško, A., Kalechyts, A. (eds.). *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski (Community of cultural heritage of the lands of Belarus and Poland)*. Warszawa: "DEKA" Publ., 99–118 (in Belarusian).

Chernyavsky, M. M. 2011. In Stankiewicz, U., Wawrusiewicz, A. (eds.). *Na rubieży kultur. Badania nad okresem neolitu i wczesną epoką brązu (On the border of cultures. Research on the Neolithic period and the Early Bronze Age)*. Białystok: Podlasie Museum in Białystok, 77–86 (in Belarusian).

Chernyavsky, M. M., Isaenko, V. F. 1997. In Chernyavsky, M. M., Kalechich, E. G. (eds.). *Kamienny i bronzawy viaki (Stone and Bronze Ages)*. Series: Arkheologiya Belorusi (*Archaeology of Belarus*) Vol. 1. Minsk: "Bel. Navuka" Publ., 145–170 (in Belarusian).

Antanaitis-Jacobs, I., Girininkas, A. 2002. In *Archaeologia Baltica* (5), 9–39.

Józwiak, B. 2003. *Spoločności subneolitu wschodnioeuropejskiego na Niżu Polskim w międzyrzeczu Odry i Wisły*. Poznań: Institute of Prehistory of the University of Adam Mickiewicz (in Polish).

Jaziepienko, I., Józwiak, B. 2004. *Folia Praehistorica Posnaniensia* (XII), 47–64 (in Polish).

Piličiauskas, G. 2002. In *Lietuvos archeologija (Archeology of Lithuania)* (23), 107–136 (in Lithuanian).

About the Authors:

Tkachou Oleg Yu., Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Academic str., 1, Minsk, 220072, Republic of Belarus; aleh.tkachou@gmail.com

Tkachova Maryia I., Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Academic str., 1, Minsk, 220072, Republic of Belarus; tkachova.maryia@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.06.2024 г.
Статья принята к публикации 01.08.2024 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу